

Виктор Вергасов
Теодолит

The book cover features a dark, atmospheric background of intricate, glowing spider webs. In the center, a silhouette of a woman in a long, flowing dress stands with her back to the viewer, looking towards a bright, ethereal light source. The light is composed of numerous small, shimmering particles that form a circular pattern, resembling a constellation or a magical portal. The overall mood is mysterious and fantastical.

18+

Виктор Вергасов

Теодолит

«Автор»

2026

Вергасов В.

Теодолит / В. Вергасов — «Автор», 2026

Конец XIX века. Британская империя верит, что её лучшие умы способны измерить и покорить весь мир. Но есть места, где линейка, компас и человеческая логика бессильны. Экспедиция Королевского Азиатского общества отправляется в индийский регион Кхандеш, чтобы изучить аномалию, от которой сходят с ума геодезические приборы, а на картах оно значится лишь как белое мёртвое пятно. Исследователи спускаются в базальтовую пещеру, уверенные, что их разум способен классифицировать что угодно. Но "Шунья-гарбха" — Лоно Пустоты — не терпит чужой воли. Здесь тени отстают от своих хозяев, время теряет значение, а древние тексты на стенах оказываются не наскальной живописью, а чем-то гораздо более страшным. "Теодолит" — это философский космический хоррор о том, что происходит, когда человеческая наука сталкивается с запредельной, чуждой формой материального мира.

© Вергасов В., 2026

© Автор, 2026

Виктор Вергасов

Теодолит

Теодолит.

Пространство и время суть не свойства вещей самих по себе, а лишь формы нашего созерцания. — Иммануил Кант

Форма есть пустота, пустота есть форма. — Праджняпарамита-хридая-сутра

Глава 1

Тишину кабинета Королевского Азиатского Общества разбил звон колокольчика над входной дверью, поддерживая аккомпанемент размеренных ударов дождя, стремящегося проникнуть сквозь стекло. Однако перо доктора Гэбриэла Лайкерта продолжало беспрестанно царапать очередной лист, распространяя чернильный запах во влажный воздух. Дверь открылась. Посмотрев исподлобья на гостя и, спустя доли секунды, вернувшись к своей работе, учёный устало произнёс:

— Живее закройте дверь, Уинстон. Вы занесёте грязь на частную коллекцию мистера Элсворда, которую он любезно доверил мне для изучения.

Резидент Уинстон Колдвелл захлопнул дверь плечом, небрежно стряхнул промокший плащ и бросил его на спинку стула, представ в тёмно-зелёном мундире Ост-Индской компании. Привычно для себя, он очертил взглядом комнату, приподняв левую бровь, пересечённую сабельным шрамом, и остановил его на своём давнем знакомом.

— Коллекция Элсворда переживёт пару капель. В отличие от колониального ведомства. Ваша заявка на полевой комплект для Кхандеша была возвращена. Опять.

Гэбриэл наконец отложил перо.

— И что же послужило причиной на этот раз? — с еле уловимым раздражением в голосе произнёс Лайкерт.

— “Недостаточные основания для вспомогательного персонала”. Они требуют имён. Этнограф, чертёжник... Их не интересуют должности, им нужно знать, кто конкретно будет получать довольствие. Сами знаете, что несмотря на влияние короны в Индии, мы так или иначе сталкиваемся с рисками. И отправлять кого попало было бы вершиной безрассудства.

— Что ж, я и сам уважаю контроль за каждым шагом работы. Не исключая даже такие мелочи как имена. Они их получают. — Лайкерт выдвинул ящик и, достав записную книгу, раскрыл её на лакированном столе. — Шестеро. Как и планировалось... Я. Вы. Доктор Торн Андервуд - специалист по антропометрическим измерениям. Харрингтон Келлер - картограф. Мисс Юнити Гарднер - эпиграфист...

— Позвольте спросить, Гэбриэл, с каких пор Общество отправляет в поле женщин?

— Общество здесь не причём, Уинстон. Я настоял на этом. Большая редкость найти человека, который в совершенстве владеет санскритом, не говоря уже о раннем брахми. Она едет.

Кроме того, на месте к нам присоединится местный ассистент из Бомбея — мунши Санджая, проводник в нашей экспедиции.

Колдвелл, не опуская взгляда от портрета королевы Виктории, висевшего над камином, произнёс с лёгкой, почти скучающей небрежностью:

— Проводник. Что ж. Надеюсь, он хотя бы не из тех аборигенов, кто будет останавливаться у каждого камня и рассказывать нам о своих богах.

Лайкерт отложил записную книгу.

— Не стоит их недооценивать, Уинстон. Как востоковед с многолетним опытом, не могу не отметить их уникальность. Их цивилизация, вне всяких сомнений, породила метафизику, склонную к пространным и, в чём-то, поэтическим измышлениям, но отсутствие институциональной дисциплины и военной координации не позволило ей создать единое государство. Мы же привнесли то, чего им не хватало. Систему.

Колдвелл наконец-то сел напротив, поправив одну из медалей на мундире, врученную ему за храбрость в подавлении восстания сипаев многими десятилетиями ранее.

— Я бы даже сказал, что в какой-то степени, им просто не повезло. Будь у них ружья и порох, мы бы не рискнули относиться к ним столь бесцеремонно. *Ius fortioris*¹. Со времён Фукидида ничего в сути своей не поменялось, если задуматься. — многозначительно произнёс Уинстон, принимая сигару из протянутой ему серебряной шкатулки с ориенталистским орнаментом. — Что ж скажите мне, Гэбриэл, вы помните об отчётах по той пещере? Тех, что приходили не так давно от Индийской землемерной службы?

— Да, мой друг, именно эту тему с вами на днях я хотел серьёзно обсудить. К счастью, за этим вы и здесь. — Доктор Лайкерт постучал пальцами, запачканными чернилами, по конверту, лежащему подле него. — Те данные, что я сопоставил, сошлись с этнографическим справочником 1872 года. Однако присланные эскизы указывают на некоторую... нетипичность.

— Звучит интересно, однако я не вполне понимаю вас. Что вы подразумеваете под “нетипичностью”?

Гэбриэл наклонил свои серые, утомлённые от работы глаза к своим записям и прищурился.

— В первую очередь, едва ли можно говорить о естественном происхождении этого места. Это ни высеченный храм, ни буддийская вихара, хотя отчасти напоминает и ту и другую. Дело в геометрии... Она... неправильная. Понимаете, дело в том, что чертёжники геодезического агентства дважды перечерчивали план внешнего рельефа, но линии при триангуляции с поверхности всё равно не сходятся — будто само пространство над этим местом отказывается укладываться в сетку координат. Прибор работает исправно в двух шагах от ущелья. Стоит направить его на этот район — суммы углов в замеренных треугольниках перестают сходиться. Геометрия, которая обязана замкнуться, не замыкается. Чертёжники перепроверяли вычисления трижды. Ошибки не нашли. Что именно внутри — никому не известно. Туда не спускались.

— Кроме этого, — продолжил Гэбриэл, — я поднял ещё кое-какую информацию, касаемо этого места. Местные брахманы прозвали его тем, что на нашем языке звучало бы как “Впадина ветров, что имена свои придают забвению”.

— Что ж. Как вы уже и говорили, Гэбриэл, поэтичности у индусов, и правда, хоть отбавляй... Знаете, ваше описание этого места... Это действительно достойно внимания. — Уинстон затянулся и выпустил дым, на мгновение обвивший одинокий настенный канделябр и устремившийся к потолку. Опустив сигару к краю пепельницы, Колдвелл подался вперёд. — Что ж, перейдём к насущным вопросам. Нам понадобятся канаты, предохранительные лампы и толковый теодолит. Разумеется, не то музейное барахло из латуни, которое вы используете.

— Я бы не разбрасывался так словами на вашем месте.

Между прочим, именно этот латунный теодолит, который вы изволите называть барахлом, дал нам точность до угловой минуты в Раджпутане, когда новый английский прибор вашего ведомства отказал на третий день из-за тропической влажности. Инструмент не виноват в том, что он старше вас. К вам же, как к представителю администрации, сведущему в военных вопросах, у меня есть одно требование — ваше обещание, что эскорт не попытается "изучать" находки со штыками, пока мы не закончим наши изыскания на месте.

— Вам даже не стоило об этом упоминать. Мои люди умеют обращаться с оружием. И, к слову, тот прибор отказал из-за халатности конкретного сержанта, которого я разжаловал на следующий же день. Металл здесь был ни при чём.

— Что ж, я рад это слышать. — Гэбриэл вложил конверт в записную книгу и закрыл её с мягким стуком. — В таком случае начнём приготовления. Муссон сменит направление в апреле. Мы выйдем в марте. И из главного... Предупреди корабельного квартирмейстера, что нам нужно шесть койко-мест, а не пять. С нами отправится мистер Стерлинг.

Лицо Колдвелла дрогнуло. — Экцентричный писатель? Он даже не член общества... Легкомысленный романтик... Готов поклясться, что у каждого уважающего себя человека невольно случится спазм при чтении подобной "литературы". Вы же шутите насчёт него, ведь так?

— Нисколько. Если бы его возможности ограничились той пылкой рецензией, которую вы только что озвучили, он действительно был бы бесполезен. Но он оплачивает наше оборудование, включая новейшие фотографические пластины.

— И этого достаточно? — Колдвелл поднял бровь со шрамом.

— Вполне, — ровно ответил Лайкерт. — Мы познакомились на вечере в "Атенеуме"² в октябре. Он подошёл сам, после того как я упомянул Кхандеш в разговоре с одним моим коллегой. Я заметил, как этот молодой человек стоял рядом, слушал, не представившись, а потом сказал, что готов финансировать экспедицию. Вот и всё знакомство.

— Он просто... подошёл и предложил деньги?

— Он просто подошёл и предложил деньги, — подтвердил Гэбриэл без малейшей иронии. — Я навёл справки. Репутация эксцентричная, но средства у него безусловно были. Для моего плана это была прекрасная возможность. Разумеется, я согласился.

Колдвелл после минутного молчания продолжил.

— И вы не спросили, зачем ему это?

Лайкерт взял перо.

— Я спросил. Он сказал, что ему скучно.

Уинстон сделал короткий и резкий выдох, затушив сигару. — Хорошо. Шесть. Но если он что-нибудь выкинет, разговор с ним будет короткий.

— Как вам будет угодно. Теперь же мне нужно урегулировать все свои дела, включая работу с коллекцией... И да, постарайтесь в следующий раз не размахивать мокрым плащом, полы не вымощены под дожди.

Уинстон пропустил мимо ушей последнюю фразу, брошенную ему в след, и растворился за вечерним ливнем, поглощающим вместе с ним и все близлежащие улицы Лондона.

Было уже очень поздно, когда Гэбриэл Лайкерт наконец закончил систематизацию письменных сведений своего коллеги, Элсворда, посему он принял решение остаться ночевать на кушетке, стоящей у камина. Перед тем как погасить электрическую лампу на комод, одну из немногих в здании Общества, установленных в прошлом году, он неосторожно задел стопку своих записных книжек. Листы с черновиками рассыпались по паркету, тихо шурша, словно опавшая с дерева листва глубокой осенью, и несколько из них скользнули в темную щель под массивным дубовым комодом. Гэбриэл тяжело вздохнул, потирая переносицу, и опустился на колени. Пол был холодным. Он протянул руку в пыльную темноту под мебелью, нащупывая края бумаги. Но пальцы коснулись чего-то твердого и ледяного, совсем не похожего на пергамент.

Он вытащил это на свет тусклой лампы. Приглядевшись, он не мог понять, как эта вещь могла пролежать здесь столько времени... Серебряная брошь в форме плюща. Та самая, которую потеряла Кристина, его супруга, безвременно почившая от малярии, и которую ей так и не суждено было найти. Она навещала мужа в этом кабинете множество раз, в один из которых, вероятно, и обронила своё украшение.

Прикосновение к металлу было холодным. Словно вытягивалось всё тепло из его ладони, оставляя кожу онемевшей. Присаживаясь на кушетку, Гэбриэл провел большим пальцем по изящной гравировке на застежке. Странное чувство охватило его: оно было скорее похоже не на режущую боль утраты, которую он привык глушить работой, а на тягучее, пронизывающее всё его существо, спокойствие. Будто эта маленькая вещь хранила в себе не просто память о ней, а саму её суть, застывшую, как бы законсервированную во времени. Он сжал брошь в ладони, чувствуя, как её острые края впиваются в кожу, и закрыл глаза, позволяя тяжелой усталости утянуть себя вниз, в объятия Морфея.

Гэбриэл стоял в своём кабинете, но пропорции комнаты были фундаментально искажены. Расстояние от него до камина казалось одновременно бесконечным и, в то же время, равным нулю. Углы стен сходились под такими градусами, которые заставляли глаза слезиться, а вестибулярный аппарат посылал сигналы тревоги, словно он стоял у края обрыва. Воздух был абсолютно неподвижным, пахнущим озоном и сухой, древней пылью. В сжатом кулаке он по-прежнему держал брошь, но теперь она пульсировала в такт его собственному, внезапно замедлившемуся сердцебиению. Из искажённой перспективы дальнего угла к нему вышла фигура. На ней было платье Кристины, но сказать, она ли это, было тяжело. Когда фигура приблизилась, Гэбриэл увидел, что там, где должно быть лицо, не было ничего человеческого. Ничего животного. Вместо черт там была плотная, переплетающаяся решётка из тонких серебряных линий. Это был фрактальный узор, бесконечно повторяющийся и заворачивающийся сам в себя, как странная диаграмма чего-то, что не должно существовать в привычном мире.

Она протянула к нему руку, и из того, что на мгновение сложилось из узора в подобие рта, вырвался не голос, но звук, который мог бы принадлежать чему-то запредельному, глубинному. Гэбриэл попытался разжать пальцы и выбросить брошь, но его рука не слушалась. Металл в его ладони стал мягким, податливым, и он почувствовал, как эта холодная, текучая субстанция начинает медленно впитываться в его кожу, стирая границу между ним и предметом, становясь частью его самого.

Серый рассветный свет пробивался сквозь матовое стекло окна, окрашивая кабинет в свинцовые тона. Гэбриэл открыл глаза. Тело затекло на жесткой кожаной кушетке, в висках пульсировала тупая, знакомая боль.

Он медленно разжал окоченевшие пальцы. Серебряная брошь лежала на ладони, тускло поблескивая в полумраке. Гэбриэл фыркнул, поднимаясь и потирая лицо ладонями.

— Нервное перенапряжение, — констатировал он про себя, направляясь к умывальнику. Недосып, спертый воздух кабинета и давняя, плохо залеченная рана утраты Кристины вполне способны породить подобную абсурдную галлюцинацию. Он решительно сунул брошь в нагрудный карман жилета.

Он плеснул ледяной водой в лицо и поднял взгляд на треснувшее зеркало. На него смотрел мужчина, которому едва исполнилось сорок, но чьи глаза делали его много старше. Темные, с ранней серебристой проседью на висках волосы были слегка растрепаны после сна. Острое, худощавое лицо с прямым носом и глубоко посаженными глазами обрамляла короткая, аккуратно подстриженная борода. Темные круги под глазами и легкая сутулость выдавали человека, проводящего за письменным столом неизмеримо больше времени, чем на свежем воздухе.

Раздался уверенный, размеренный стук в дверь.

— Войдите, — отозвался Гэбриэл, вытирая лицо полотенцем.

В кабинет вошел мистер Хиггинс, курьер Общества, явившийся точно по расписанию, держа в руке снятый намокший котелок.

— Доброе утро, доктор Лайкерт, — произнес он, слегка кивнув. — Забирать материалы по коллекции мистера Элсворда?

— Да, Хиггинс. — Гэбриэл подошел к столу и взял увесистый кожаный портфель, туго набитый систематизированными рукописями, каталогами и его собственными комментариями на полях. — Передайте архивариусу, что работа полностью завершена. Надеюсь, вклад с моей стороны окажется достойным.

— Слушаю, сэр. Экспедиция, полагаю, сегодня?

Доктор Лайкерт проверил серебристые часы на цепочке и отправил их обратно в карман жилета.

— Сегодня, Хиггинс. И я признателен, что вы успели зайти как можно раньше. “Орион” отходит после полудня. Приливы в доках, увы, не подстраиваются под расписание заседаний Общества, так что каждая минута на счету.

Курьер почтительно кивнул, бережно забрал портфель и, пожелав удачи, растворился за дверью.

Гэбриэл же, прежде чем надеть темно-синий сюртук с кожаными накладками на локтях, методично проверил внутренние карманы. Записная книга. Карандаш. Тяжёлая бронзовая печать Общества в кожаном чехле — неизменный спутник любого выезда: таможенные задержки в день отплытия были явлением настолько предсказуемым, что он давно перестал им удивляться. Удостоверившись, что всё на месте, Гэбриэл бросил последний взгляд на опустевший кабинет и с облегчением шагнул за порог, направившись к клубу “Атенеум” перед отбытием.

На улице его встретил привычный туман, густой, пахнувший углем и мокрой брусчаткой. Он натянул воротник и сунул руки в карманы, старательно вытесняя из памяти странные звуки из сна, всё еще тихо переливавшиеся где-то на периферии его сознания.

Глава 2

Наконец, пройдя несколько кварталов сквозь липкий, промозглый туман, он оказался у центрального портала с возвышающейся над ним статуей древнегреческой богини мудрости, Афины, ныне ревниво охраняющей разум новой Британской Империи. Доктор Лайкерт ступил внутрь. Тяжелые дубовые двери отсекали уличный шум, сменив его на привычную, усыпляющую тишину, пропитанную запахом старой кожи книжных переплёттов, полировочного воска и дорогого трубочного табака. В приватной комнате на втором этаже его уже ждали.

Харрингтон Келлер стоял, склонившись над массивным столом из красного дерева, и с раздражением разглаживал ладонью огромный лист пергамента. Его приземистая, широкая в

плечах фигура казалась чересчур большой для этого изящного кабинета. А взглянув на лицо картографа, можно было заметить, что его щеки уже приобрели тот нездоровый, обветренный багровый оттенок, который бывает у людей, проводящих слишком много времени под палящим солнцем. Его большие, мозолистые пальцы, испачканные белым мелом и чернилами, с неожиданной для такого грубоватого человека нежностью прикоснулись к краям карты, словно боялись её порвать.

— Посмотри на это, Гэбриэл, — бросил Келлер, не поднимая головы и тыча пальцем в центр листа. — Чистое, белое, проклятое пустое пятно. Индийская землемерная служба обозначила этот район просто как “каменистые кряжи, непроходимые в сезон дождей”. Никаких высотных отметок, никаких троп. Только местные названия, которые их клерки в Калькутте даже не потрудились нормально транслитерировать, потому что, видите ли, там нет плантаций, облагаемых налогом. Меня просят построить маршрут там, где, судя по этой бумаге, не ступала нога даже охотника за головами.

— Именно поэтому мы туда и едем, Харрингтон, — спокойно ответил Гэбриэл, подходя ближе. — Это место осталось незаполненным, потому что оказалось непригодным для плантаций чая или хлопка. Люди, как известно, склонны игнорировать то, что не приносит немедленной прибыли. Но отчет полевого инженера утверждает, что там определённо есть нечто, заслуживающее внимания.

— Отчет инженера, к сожалению, не упомянул, что в этих самых “базальтовых грядах”, судя по неучтённым данным миссионеров за 1872 год, малярия и лихорадка денге имеют стойкий эндемичный характер, — раздался спокойный, размеренный голос из глубокого кресла в углу комнаты.

Доктор Торн Андервуд сидел, методично сверяя содержимое открытого медицинского саквояжа с длинным списком в своем блокноте. Его высокая, слегка сутулая фигура казалась почти невесомой. Безупречно белый, накрахмаленный воротничок его рубашки резко контрастировал с полумраком комнаты. Андервуд поднял взгляд, и тонкие, длинные пальцы, от которых слегка пахло йодом и карболовой кислотой, привычным движением поправили круглые очки в тонкой металлической оправе, съехавшие на кончик его длинного носа. Редкая рыжеватая борода клинышком придавала его облику вид строгого, но усталого школьного учителя.

— Я удвоил запас медикаментов, в частности, добавил в опись хинин и опиум. Для самых тяжелых случаев, — продолжил Андервуд, делая аккуратную пометку пером. — Романтика открытых пространств и новых открытий быстро проходит, когда у тебя трое носильщиков корчатся от дизентерии. Мы ведь не собираемся повторять подвиги Аллана Квотермейна из романов мистера Хаггарда³, надеясь найти древние сокровища там, где нас ждёт только грязная вода и лихорадка. Рекомендую вам помнить об этом, мистер Келлер.

Келлер тихо, без веселья, хмыкнул, не отрывая взгляда от карты. — Романтика — это роскошь тех, кто смотрит на джунгли из окон лондонских клубов, Торн. Но когда я изучаю геологические срезы земельных пород, меня охватывает не страх перед лихорадкой, а нечто иное. Осознание масштаба. Наши империи, наши карты, наши законы — это лишь тонкая, временная плесень на поверхности остывающего камня. Горы стираются в пыль за время, которое наш разум даже не способен осознать, не то, что нанести на пергамент.

Андервуд тихонько усмехнулся, возвращаясь к своему списку. — И эта плесень, мистер Келлер, ещё и обладает наглостью считать себя центром мироздания. Природе абсолютно безразличны наши моральные кодексы, наши научные общества и наши амбиции. Она просто существует. Мы для неё не исследователи, а лишь ещё одна органическая материя, обречённая на разложение.

Гэбриэл поморщился. Ему всегда претила эта биологическая и геологическая фаталистичность, которую его коллеги так любили выдавать за глубину мысли. В его глазах это было не более чем демагогией, которая отвлекала настоящего учёного от стоящих перед ним целей.

Он прикоснулся ладонью к карте, поверх того самого белого пятна, словно пытаюсь физически удержать обоих коллег в рамках реальности.

— Вы путаете смирение перед фактами с капитуляцией разума, джентльмены, — произнёс Гэбриэл, и в его голосе зазвенели стальные нотки. — Да, наша планета древнее нас. Да, джунгли безразличны. Но если мы примем вашу точку зрения, наша работа не будет иметь никакого смысла. Мы превратимся в пассивных наблюдателей, только и ждущих, чтобы вымереть.

— Разум, Гэбриэл, — это не божественная искра и не дар свыше, — сказал Андервуд, возвращая скальпель в бархатный футляр саквояжа, — это просто удачное, весьма хрупкое стечение химических реакций в трёх фунтах серого вещества. Добавьте немного малярийного плазмодия или высокую температуру, и ваш великий “порядок” рассыплется в бессвязный бред. Если принимать нас за хозяев природы, то лишь временных и бесконечно уязвимых хозяев.

— Торн прав, хотя и выражается слишком... физиологично, — вступил Келлер, взглянув на коллег. Он обвёл рукой изображённую территорию. — Посмотрите на эту карту. Мы накладываем жёсткую сетку широт и долгот на хаос. Мы рисуем прямые линии и правильные углы там, где природа знает только эрозию, тектонические сдвиги и энтропию. Наша геометрия — всего лишь костыль, принятый нами за вселенский закон, чтобы не сойти с ума от бесконечности.

Гэбриэл сжал челюсти. Его пальцы невольно сжались в кулак прямо на пергаменте. — Именно потому, что вселенная слепа и безразлична, мы обязаны быть её зрением! — его голос повысился, нарушив привычную тишину кабинета. — Мы те, кто обязан создавать порядок. Порядок из хаоса! Эта максима и воплощает наш долг. Если мы откажемся классифицировать, именовать и измерять, мы не станем “частью природы”, мистер Келлер. Мы станем её жертвой. Мы едем туда не для того, чтобы признать своё ничтожество, а чтобы доказать, что человеческий разум способен познать даже то, что кажется непостижимым.

Он сделал паузу, позволяя своим словам повиснуть в помещении. Его взгляд, ранее плававший полемическим жаром, снова стал холодным, сухим и расчетливым. Гэбриэл подошел к столу и положил ладонь на карту, поверх того самого блёклого на ней пятна.

— И именно за торжеством порядка мы и едем, — продолжил он уже своим обычным, деловитым тоном. — Я читал те же отчеты о лихорадке, Торн. И я вижу эту пустоту на карте, Харрингтон. Но Совет Общества одобрил этот бюджет не столько для рутинной работы. Они одобрили его, поскольку предварительные эскизы полевого инженера из этого конкретного ущелья демонстрируют структурную аномалию.

Он поднял взгляд на Келлера: — Если ваши измерительные приборы докажут, что это всего лишь оптическая иллюзия или грубая ошибка в измерениях, мы вернемся с исправленной картой и чистым отчетом о расходах. Но если геометрия этого места действительно нарушает все законы, то мы не просто заполним пробел в наших знаниях. Мы перепишем доисторическую архитектуру всего местного плато.

Келлер пренебрежительно подёрнул своими нависающими усами, скрестив массивные руки на груди: — “Нарушает законы”. М-да. Звучит как заголовок для бульварной газетёнки, но никак не для отчета Королевскому обществу. Тем не менее, я уже согласился на этот выезд, однако поверю в истинность найденных вами сведений, только если мой инструмент покажет мне что-то, кроме собственных оптических искажений.

— Или пока я не увижу, что местные испарения под воздействием жары не сводят моих пациентов с ума, — парировал Андервуд, защёлкивая замок саквояжа. — Нельзя исключать и такую возможность.

Гэбриэл не стал спорить. Он лишь почувствовал, как его пальцы в кармане жилета невольно сжали серебряную брошь. Холод металла в руке как бы выдернул его из реальности.

На мгновение ему показалось, что мерное тиканье напольных часов в углу комнаты сбилось с ритма, превратившись в тот самый глухой звук из его сна.

Он моргнул, стряхивая с себя остатки ночной усталости, и звук часов вернулся к своему привычному, неумолимому маршу.

— Сбор в доках через два часа, джентльмены, — сказал Гэбриэл, выпрямляясь и принимая свой обычный, непробиваемый вид руководителя экспедиции. — “Орион” не ждет. Проверьте свое снаряжение. Не думаю, что индийская природа простит нам нашу рассеянность.

Туман у набережной стал не просто густым, а осязаемым, тяжёлым. Он пропитался едким, тошнотворным запахом гниющей речной тины, угольной гари, мокрой, провонявшей потом шерсти портовых грузчиков и дешевого махорочного табака. Усыпляющая, пропитанная безмятежностью, тишина “Атенеума” сменилась пронзительным визгом ржавых блоков, криком надсмотрщиков, лязгом тяжёлых цепей и низким, утробным гулом паровых машин сливавшимся в единый, давящий на уши шум, от которого, казалось, вибрировали сами камни мостовой.

Харрингтон Келлер инстинктивно поморщился, плотнее запахивая своё потёртое пальто, но продолжал идти. Он привык к полевым условиям, и этот хаос был для него лишь ещё одним препятствием, которое нужно преодолеть. Доктор Андервуд, напротив, достал из кармана чистый носовой платок и прижал его к лицу, с брезгливым отвращением косясь на лужи мутной воды, в которых плавали окурки и обрывки газет. Гэбриэл шёл впереди, стараясь держать спину прямо, хотя сырой, пронизывающий холод уже начинал пробираться сквозь ткань его добротного сюртука.

И тогда, сквозь пелену серого тумана, перед ними проступили очертания “Ориона”. Пароход компании R&O возвышался над мутной водой Темзы, подобно дышащему металлическому левиафану. Его массивные, заклёпанные борта, покрытые копотью и ржавчиной, казались словно выросшими из самой бездны. Две высокие трубы извергали в свинцовое небо густые клубы чёрного дыма, который тут же сливался в экстазе с туманом, делая воздух ещё более душливым.

Гэбриэл остановился на краю причала, чувствуя, как под ногами вибрирует дерево настила от работы корабельных механизмов. Здесь, среди этого равнодушного хаоса, их титулы, академические заслуги и светские беседы, занимавшие их час назад, не стоили и ломаного гроша. Здесь правили грубая сила, грязь и неукротимая власть приливов.

— Что ж, джентльмены, — произнёс Гэбриэл, перекрикивая шум порта и стараясь, чтобы его голос звучал твёрдо. — Добро пожаловать в реальный мир. Идёмте к нашим.

Они двинулись вдоль скользкого, усыпанного угольной пылью причала, направляясь к указанному трапу.

Мисс Юнити Гарднер уже была на месте. Она не стояла в праздном ожидании, кутаясь от холода. В своём практичном твидовом жакете и прочных, уже слегка запыленных ботинках на шнуровке, она полностью игнорировала лондонскую грязь под ногами. Сжимая в руках инвентарную ведомость, она чётко и быстро диктовала номера ящиков грузчику, указывая на стопку тяжёлых, сундуков с её инструментами для расшифровки, справочниками и книгами. Заметив приближающихся коллег, она на секунду прервала разговор, подняла на них взгляд своих внимательных зелёных глаз и коротко, но тепло кивнула.

В нескольких шагах от неё, у самого основания трапа, Уинстон Колдвелл вёл беседу с капитаном “Ориона”. Капитан Вэнс — коренастый, обветренный до красноты моряк — поначалу выглядел раздражённым задержкой и обилием предъявляемых ему требований. Однако Колдвелл не говорил как капризный пассажир, но как офицер, привыкший добиваться своего.

Его голос был тихим, но в нём звенела та самая ледяная, неумолимая твёрдость, которая когда-то помогла ему выжить среди гималайских перевалов.

— ...эти три ящика с оптическими приборами должны находиться в сухом, вентилируемом трюме, капитан, а не рядом с угольными мешками, — спокойно, но жёстко отрезал Колдвелл, постукивая пальцем в перчатке по бортовому журналу. — Если влажность повредит линзы, отчёт для Адмиралтейства будет составлен с указанием конкретных имён, ответственных за халатность. Я уверен, вы не захотите оказаться в этом списке.

Капитан Вэнс, держа трубку, выпустил густое облако дыма и неохотно кивнул, делая пометку в своём листе.

Услышав шаги Лайкерта, Колдвелл обернулся. Его знакомый шрам на брови дёрнулся в подобии улыбки. — Доктор. Как раз вовремя. Капитан Вэнс только что осознал, что правила и стандарты Ост-Индской компании распространяются и на его палубу, независимо от расписания приливов.

Гэбриэл почувствовал, как напряжение в его плечах немного спало. Всё было под контролем. Или не совсем...?

Эта короткая передышка продлилась недолго. Из тумана, спотыкаясь о неровные, скользкие плиты причала, появился мистер Стерлинг.

Он выглядел так, словно по ошибке заблудился на пути в оперу, а не на грязную лондонскую набережную. Его светло-серый льняной костюм, безупречно выглаженный утром, уже начал жадно впитывать в себя угольную пыль и сырость. В руке он сжимал трость с набалдашником из слоновой кости, размахивая ею, как дирижёрской палочкой, чтобы не задеть проплывающие мимо лужи.

Вдруг он замер. Его маленькие, бегающие глаза расширились от ужаса.

— Стойте! Немедленно остановитесь! — его голос, обычно ленивый и тягучий, взвился до визгливых, истеричных нот. Стерлинг бросился к группе грузчиков, которые как раз переносили два его личных, обитых медью ящика. — Вы что, ослепли?! Там новейшие коллоидные фотопластины и ящик выдержанного шотландского виски! Если вы их потрянёте хоть раз, я лично прослежу, чтобы вас уволили без рекомендаций! Аккуратнее, ради всего святого, аккуратнее!

Грузчики переглянулись, замедля шаг, но не останавливаясь. Стерлинг занес трость, собираясь преградить им путь и вступив в открытую конфронтацию с людьми, которые были вдвое его крупнее.

В этот момент между ним и ящиками бесшумно выросла фигура Колдвелла.

Уинстон не повысил голоса, уставившись на Стерлинга тем самым холодным, оценивающим взглядом, которым обычно осматривал поле боя перед атакой.

— Мистер Стерлинг, — произнёс он ровным, лишённым всяких эмоций тоном. — Пароход уходит по приливу. У нас есть ровно четыре минуты, чтобы закончить погрузку.

— Но они идиоты! Они всё испортят! — возмутился Стерлинг, пытаясь сохранить остатки достоинства и выпрямив спину.

— У вас есть выбор, — продолжил Колдвелл, делая всего один шаг вперёд. Этого оказалось достаточно, чтобы Стерлинг невольно отшатнулся. — Либо эти ящики будут погружены так, как того требует регламент, либо вы, мистер Стерлинг, поедете следующим пароходом. Через месяц.

Повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь плеском мутной воды о борт «Ориона» и далёкими криками чаек. Стерлинг сглотнул. Резкие черты его лица исказились от бессильной злобы, а кожа покрылась пятнами, но он медленно опустил трость.

— Варварство, — пробормотал он, отворачиваясь и нервно вытирая внезапно вспотевший лоб шелковым платком. — Абсолютное варварство.

Он отошёл в сторону, стараясь держаться подальше от грязных канатов, и бросил на грузчиков полный презрения, но уже лишённый прежней уверенности взгляд.

Погрузка вещей Стерлинга завершилась, и, убедившись, что его драгоценное имущество в безопасности, он позволил себе немного расслабиться. Он отошёл подальше от суеты, брезгливо обходя мокрые канаты, и с видом скучающего аристократа наблюдал за финальной стадией погрузки.

Но это торжество длилось недолго.

К группе стремительно подошёл портовый мастер. В его глазах читалась неподдельная паника. — Доктор Лайкерт, у нас проблема, — выпалил он, тяжело дыша. — Ящик с инвентарным номером четыре. Основной геодезический комплект мистера Келлера. Таможня задержала его на складе из-за отсутствия печати на сопроводительной накладной. Без неё я не имею права грузить его на борт.

Харрингтон Келлер мгновенно побледнел, его багровые щёки стали землистыми. — Чёрт возьми, там мой основной инструмент! — воскликнул он, хватаясь за голову. — Без него вся экспедиция теряет смысл!

Доктор Андервуд тяжело вздохнул, бросив на часы быстрый, обречённый взгляд. До финального свистка оставались считанные минуты. Экспедиция была на грани срыва в самую последнюю секунду из-за глупой бумажной волокиты.

Стерлинг, наблюдавший за этой сценой с безопасного расстояния, не упустил случая. Он позволил себе тихий, но ядовитый смешок, достаточно громкий, чтобы все его услышали. — Похоже, ваш блестящий научный ум, доктор, распространяется только на древние руины, но совершенно бессилён перед лицом простой лондонской логистики, — протянул он, лениво поправляя манжет. — Жаль, что мы платим за это такие деньги.

Гэбриэл почувствовал, как у него начинает слегка сдавливать подреберье.

Только заметив это, он включил свой холодный ум, быстро взяв себя в руки.

— Где накладная? — сухо спросил Гэбриэл, протягивая руку.

Мастер растерянно сунул ему смятый лист бумаги. Лайкерт выхватил из внутреннего кармана сюртука тяжёлую бронзовую печать Королевского Азиатского Общества и чернильницу-самописку.

В этот момент мисс Гарднер, не говоря ни слова, шагнула вперёд. В её руке уже был аккуратно сложенный бланк экстренного экспедирования, который она, в отличие от мужчин, предусмотрительно заполнила и завершила своей подписью ещё в архиве Общества, предвидя возможные бюрократические заминки. Она молча протянула его Гэбриэлу.

Гэбриэл бросил на неё короткий взгляд, полный немой благодарности, и быстро вывел на бланке свою размашистую, уверенную подпись. С силой прижав печать к бумаге, он вернул документы мастеру.

— От имени Совета Общества и по прямому указанию Индия-офиса, этот груз имеет приоритет категории “А”, — произнёс Гэбриэл, и его голос прозвучал так твёрдо, что портовый мастер невольно выпрямился. — Доставьте его на борт в течение десяти минут иначе завтра утром ваш начальник будет объясняться с лордом-мэром по статье о саботаже государственной миссии.

Мастер, испуганно кивнув, бросился выполнять приказ, расталкивая толпу.

Уже спустя девять минут, под пронзительный, вибрирующий свисток боцмана, тяжёлый ящик втащили на палубу как раз в тот момент, когда матросы начали с лязгом отдавать швартовы.

Пароход дрогнул всем своим массивным, заклёпанным корпусом. Низкий, утробный рёв паровых машин сменил крики порта, проникая теперь не через уши, а вибрируя прямо в костях.

Гэбриэл поднялся на палубу вслед за остальными. Он оперся о холодные, мокрые от тумана перила и посмотрел на берег. Лондон медленно уходил из вида. Вскоре он превратился в размытое, серое пятно, которое жадный туман пожирал с каждой секундой, пока “Орион” набирал ход, разрезая мутную воду Темзы.

Стерлинг, не сказав ни слова более, скрылся в недрах корабля, вероятно, чтобы как можно скорее смыть с себя “варварскую” пыль и открыть свой заветный купажированный виски. Келлер и Андервуд, обменявшись усталыми, но облегчёнными взглядами, направились к своим каютам, чтобы лично проверить сохранность остального снаряжения.

Мисс Гарднер осталась стоять на палубе рядом с Гэбриэлом. Её внимательный, спокойный взгляд был устремлён вперёд, в густую, непроницаемую мглу, где скрылся горизонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.